

Покачнулись,
В седлах покачнулись
Молодые, стройные тела
И в ночную темь степи нырнули,
В звоны высохшего ковыля.
Все в буденках—
Молодые взоры,
А в глазах—тифозная тоска;
Не последние-ль степные зори
Встретил кто-нибудь из кав-полка?
Коней вздыбив,
Гиком степь огласят—
Степь—бокал, наполненный вином;
Перед боем—место только страстям;
Эй, даешь! Да-а-ешь! Эх рубанем!
Степь, как чаша,
Тьма в нее налита—
Молодое, пенное вино;
На курган, быть может, пуля—Смита
Спать уложить всадника с конем.
В ночь степную
На курганах лягут,
На курганах—руки распахнув;
Утром небо, вынув солнце—бляху,
Матерей заставит клясть войну.
Командарм!
Взмути голо степи,
Истопчи века былые в пыль;
Полк несется, ветер знамя трепет
И ковыль летит из под копыт.
Покачнулись,
В седлах покачнулись,
Поиз'ела лица тоски—вошь;
В тьму густую, в тьму степи нырнули,
Ночь тревожа грохотом
—Да-а-ешь!

Зорькой звоны ковыля остыли,
Зорькой лязг ночной подков умолк,
Шашками отзванивая мили,
По степи на—рысях едет полк.
Впереди—закован в холод кожи—
На гнедой кобыле—командарм;
Этой зорькой он обдумал может,
Приготовленный степям удар.
Полк в буденках—
Молодые взоры,
А в глазах тоски тифозной нет;
Нынче слушать будут степь да зори
Жен казачьих плач и зов коней.
В ковылях курганных стынет тело,
А сбоку конь (а ковыли звенят);
Может пуля всадника здесь встрела,